(Клемансо, откинувшись с видом полного безразличия на спинку кресла, с полузакрытыми глазами и большими опущенными усами, с неизбежными серыми перчатками на руках, лежащих вдоль вытянутых ног, производит впечатление спящего человека.)

Клоц.—В предложенных репарационных статьях имеются пункты, особенно выгодные для этих государств: так, например, они не должны будут выпускать гарантийные боны; в течение двух лет они ничего не будут выплачивать; ответственность их, установленная с 1921 г., не может быть впоследствии усилена, т. е. не будет солидарной ответственности и т. д.

Ллойд Джордж.—Я согласен с президентом Вильсоном в том, что на эти государства не следует в течение столь долгого времени налагать ответственность, размеры которой не выяснены. Я полагаю, что размеры эти могли бы быть установлены скорее, чем в два года: шести месяцев было бы достаточно. Проблема эта не имеет такого гигантского масштаба, как мы это видим в случае с Германией. Полагаю, кроме того, что выплата австрийских долгов союзникам должна предшествовать уплате внутренних долгов. Я сомневаюсь в необходимости того, чтобы репарационная комиссия рассматривала вопросы, касающиеся Германии и Австрии. Это могло бы затянуть дело.

Вильсон.—Вопрос надо тщательно изучить. Я считаю, что для рассмотрения дел, касающихся Германии и Австрии, можно было бы назначить одну большую руководящую комиссию, разумеется при участии различных экспертов, для рассмотрения особых вопросов и в особых местах.

Ллойд Джордж.—Решение о создании единой комиссии было принято в связи с двухгодичным сроком, предусмотренным с целью установления размеров причитающихся с Германии и Австрии сумм; но если принять более короткий срок, скажем, шесть месяцев для Австрии, это могло бы вызвать необходимость назначения отдельной комиссии. Кроме того, директивы в отношении Австрии могли бы носить менее строгий характер.

Ламонт.—Замечу, что если будут работать две комиссии и если обеим будет дано право рассматривать вопросы о бонах, это может повести к разногласиям.

Орландо.—Полагаю, что во всяком случае придется назначить необходимое количество подкомиссий; однако я стоял бы за создание единой верховной комиссии.

Клоц.—Мне кажется, что одной комиссии будет трудно рассматривать обязательства обеих сторон в том случае, если будет принято предложение об установлении размеров долга Австрии в течение более короткого срока. Я предложил бы, чтобы большая комиссия выделила специальную подкомиссию по вопросам, касающимся Австрии.

Вильсон.—Повидимому, мы все в принципе согласны. Нынеш-

няя репарационная комиссия может выносить постановления, касающиеся деталей.

Креспи.—Обращаю ваше внимание на последний параграф статьи 2, относящейся к предлагаемым репарационным пунктам, и на прилагаемое к нему примечание. Некоторым государствам, хотя и не находившимся в тот момент в войне с Германией, был причинен ущерб немцами. Это касается, например, Австрии. Думаю, что в этих случаях следовало бы признать право на возмещение убытков.

Орландо.—Вопрос этот в равной степени касается Австрии и Германии: текст должен быть идентичным.

Ллойд Джордж.—Текст, предлагаемый для репарационных статей, исключает Польшу. Текст этот дал бы Италии право предъявлять требования к Германии даже за тот период, в течение которого она не была в войне с Германией[41]. Мне кажется, что этого не следовало бы допускать.

Орландо.—Репарации основаны на принципе солидарности. В части, касающейся Адриатики, Италия придерживается той точки зрения, что этот принцип не допускает никаких особых рекламаций. Я думаю также, что было бы весьма затруднительно отличить ущерб, нанесенный Австрией, от убытков, причиненных Германией.

Креспи.—Германские аэропланы бомбардировали мою фабрику до объявления войны Италией Германии, и нет сомнения, что немецкие подводные лодки топили итальянские суда до этой даты. На основе принципа солидарности Германию следовало бы признать ответственной за все убытки.

Ллойд Джордж.—Италия по соображениям, несомненно весьма правильным, в течение долгого времени не объявляла войны Германии, хотя ее об этом просили союзники. Это наносило значительный ущерб союзникам, особенно в деле эффективного применения блокады. Германские подводные лодки топили нейтральные суда так же, как и союзные. Я не думаю, чтобы требование о возмещении Германией убытков, нанесенных Италии до объявления ею войны, можно было считать оправданным.

(По предложению Клоца выносится решение, чтобы слова «в течение периода состояния войны каждой из союзных и присоединившихся держав» были включены также в текст мирного договора с Австрией. Орландо подписывает, как это уже сделали Вильсон, Клемансо и Ллойд Джордж, резолюцию о включении названной фразы также во французский текст статьи 232 договора с Германией.)

. . . .

Клоц.—Обращаю внимание на третье приложение проекта репарационных статей для Австрии, относящихся к торговому тоннажу. Так как Австрии будет закрыт выход к морю, было выдвинуто предложение, чтобы она передала весь тоннаж союзным

и присоединившимся державам. Италия выступила с возражениями по этому поводу. Французские и американские представители в репарационной комиссии советовали вынести решение, в силу которого Италии из общего фонда должен быть предоставлен процент адриатического тоннажа в более крупных размерах, чем это могло бы ей причитаться в нормальном порядке.

Орландо.—Благодарю за французские и американские предложения. Мне не удается, однако, понять, почему Адриатика в части, касающейся тоннажа, должна оказаться в худшем положении, чем Германия, которой оставляется часть ее малого тоннажа и рыболовных судов. Этот флот является важным элементом экономической жизни прибрежного населения, и мне кажется несправедливым и опасным отнимать его у владельцев. Правда, у Австрии не будет портов, но приморское население остается. Тоннаж, о котором идет речь, содержит около 60 тысяч тонн и представляет сравнительно незначительную величину.

Ллойд Джордж.—Я думаю, что в отношении рыболовных судов не возникнет затруднений. Но тоннаж—вещь весьма важная для Великобритании ввиду понесенных ею тяжелых потерь, размеры которых достигают 8 миллионов тонн. Греки также понесли тяжелые потери, главным образом судами того типа, которые теперь предлагается передать Италии и Югославии. Напомню Совету, что Англия потеряла свои суда при перевозке продовольствия для Италии и Франции. Британский тоннаж был передан во всеобщее распоряжение, и ни одна из его частей не была использована частными предприятиями. Недавние изъятия судов из общего фонда, сделанные по различным соображениям различными странами, как, например, Соединенными Штатами, Бразилией, Португалией, произвели в Англии самое неблагоприятное впечатление. В стране осталось весьма мало тоннажа, который составляет, вероятно, важнейшую отрасль промышленности Британии. Прошу Совет не вынуждать Англию к уступкам на сегодняшнем заседании. Я предложил бы созвать конференцию заинтересованных сторон, включая Грецию, при участии представителей британского министерства торговли, которые, быть может, согласились бы пойти на уступки.

(Предложение принимается.)

Затем заседание переходит к рассмотрению югославского предложения о предоставлении Югославии доли библиотек, музеев, художеественных коллекций города Вены; утверждается пункт следующего содержания:

Относительно всех предметов художественного, археологического, научного и исторического характера, являющихся частью коллекций, ранее принадлежавших правительству австро-венгерской монархии или короне, не предусмотренных другими статьями настоящего договора, Австрия обязуется:

а) заключить с заинтересованными государствами, если посту-

пит соответствующее требование, полюбовное соглашение, в силу которого часть вышеназванных коллекций и предметов, относящихся к культурным ценностям уступленных округов, может быть на началах взаимности возвращена тем округам, откуда они происходят;

б) ничего не продавать и сохранять в целости эти коллекции и не распоряжаться названными вещами в течение 20 лет, если только не будет заключено до истечения этого срока специальное соглашение; гарантировать их целость и сохранность и предоставлять их для научных работ подданным любой из союзных или присоединившихся держав.

По предложению Ллойд Джорджа проект репарационных статей для Болгарии передается репарационной комиссии.

Вильсон.—Я думаю, что представителям государств, входивших ранее в состав Австро-Венгерской империи, следовало бы сообщить свою точку зрения до того, как текст статей договора с Австрией будет окончательно утвержден.

(Предложение принимается.)

Эксперты по репарационным вопросам удаляются.

Собрание рассматривает вопрос о перемирии между Польшей и Украиной.

. . . .

Пятница, 23 мая.

11 часов.—Заседание Четырех.

(Речь идет о нижеследующих предметах: письмо Брокдорф-Ранцау о частной собственности; письмо Брокдорф-Ранцау о международном законодательстве о труде; Россия; Люксембург; военные силы Австрии.)

Клемансо.—Это весьма щекотливый вопрос. Со своей стороны, я готов в еще большей степени согласиться со взглядами президента Вильсона. Что касается малых государств, то здесь можно усмотреть две стороны вопроса: финансовую и политическую, кроме военной. О финансовой статье говорилось вчера. Я, однако, рад, что доклад репарационной комиссии еще не окончательно утвержден и не передан для дальнейшего редактирования. Я считаю, что финансовые эксперты действовали с точки зрения чисто финансовой и не принимали в достаточной степени в расчет политических соображений. В действительности вопрос связан с проблемой военных сил, которые могут содержаться такими странами, как Польша или Чехо-Словакия. Я согласен относительно ограничения их вооружений, но полагаю, что ограничение это не должно быть произведено немедленно или слишком поспешно.

Вильсон.—Мне кажется, что можно было бы ввести систему постепенного снижения численности армии в ожидании разрешения русского вопроса. Я полагаю, что снижение окончательных цифр может зависеть от разрешения этого вопроса.

Вильсон предлагает перейти в верхний этаж и немедленно побеседовать об этом с экспертами. Клемансо высказывает желание, чтобы в репарационную комиссию были введены политические деятели для выработки договоров с Австрией, Венгрией и Болгарией.

Ллойд Джордж и Вильсон не возражают.

Ллойд Джордж.—Со своей стороны, предлагаю генерала Смэтса и г. Кейнса.

Клемансо.—А я—Лушера и Тардье.

Для Италии остаются Креспи и д'Амелио.

11 час. 30 мин.—В верхнем этаже вильсоновского дома. Кроме Четырех и секретариата, присутствуют военные, морские и авиационные эксперты (от Италии генерал Каваллеро, полковник Тони, адмирал Грасси, граф Ваннутелли Рей, подполковник Пиччио).

Вначале речь идет о статьях договора с Австрией, относящихся к вопросу о военнопленных.

Вильсон.—Схема мирного договора с Австрией в части, касающейся военнопленных, была составлена на той же основе, что и соответствующие статьи мирного договора с Германией. Статьи касаются только освобождения военнопленных—подданных собственно Австрии. По достаточным и веским соображениям не упоминалось о военнопленных различных национальностей, подданных бывшей австро-венгерской монархии, как, например, Чехо-Словакии, Югославии и австрийской Польши. Комиссия по делам военнопленных, однако, в своем докладе Верховному совету сформулировала следующее предложение:

Австро-венгерские военнопленные и австрийские интернированные граждане, происходившие из областей бывшей австро-венгерской монархии, ныне передаваемых союзным и присоединившимся государствам, будут немедленно отпущены на свободу. Союзными и присоединившимися государствами будут оказаны все необходимые льготы уполномоченным миссий и консульств новых государств, с тем чтобы они могли войти в прямую связь со своими соотечественниками—военнопленными и интернированными гражданами—и получить возможность облегчить или ускорить их репатриацию.

Председатель комиссии по делам военнопленных француз Каэн зачитывает документ, иллюстрирующий те соображения, которые побудили комиссию выдвинуть вышеуказанное предложение.

Орландо.—Члены комиссии по делам военнопленных единодушно высказались в том смысле, что рассматриваемый вопрос не имеет непосредственного отношения к мирному договору с Австрией. По моему мнению вопрос должен быть рассмотрен с двух точек зрения—с фактической и правовой.

Что касается фактического положения, то Италия, предоставляя специальный режим австро-венгерским военнопленным и интернированным гражданам, не оставалась позади кого бы то

ни было. Почти все чехи, около 40 тысяч человек, уже отпущены на свободу, а также поляки, румыны, трансильванцы и даже южные славяне. Оставшиеся в Италии военнопленные, бывшие гражданами территорий, принадлежавших бывшей австро-венгерской монархии, были сконцентрированы в специальных лагерях, где они пользуются особым режимом. Было бы освобождено гораздо больше военнопленных, если бы этому пока не препятствовали серьезные транспортные затруднения. Политика итальянского правительства стремится к репатриации возможно большего числа военнопленных, поэтому оно приняло меры для осуществления предложений комиссии. Мы будем продолжать репатриацию военнопленных, поскольку это позволит нынешнее состояние транспорта.

С юридической стороны возникают затруднения, заключающиеся в том, что репатриация военнопленных, несомненно, находится в зависимости от заключения мира. Разумеется, как только мир будет заключен, все военнопленные будут освобождены, поэтому проблема сводится к тому, чтобы решить, в какой именно момент мир с новыми государствами—Югославией, Чехо-Словакией, Польшей и т. д.—можно считать заключенным.

Что же касается территорий, входящих в Австрию и Венгрию в собственном смысле слова, будет заключен отдельный мирный договор, и с этого момента военнопленные, проживавшие на этих территориях, будут репатриированы. Но что касается новых государств, ранее входивших в состав австро-венгерской монархии, то мир, по моему мнению, будет установлен только тогда, когда территории эти будут окончательно делимитированы. С этого момента военнопленные будут на законном основании освобождены. Ввиду этого я не могу принять предложения комиссии в той его части, которая требует, чтобы все австро-венгерские военнопленные и интернированные граждане, проживавшие на территориях, принадлежавших австро-венгерской монархии, были немедленно отпущены на свободу. Во-первых, я не могу взять на себя такого рода формального и международного обязательства, прежде чем мир будет заключен. Кроме того, фактически было бы невозможно выполнить такое решение, ибо до тех пор, пока границы не будут определены, нельзя будет знать, к какой именно стране принадлежит в действительности тот или другой военнопленный, т. е. будет невозможно знать, относится ли он к дружественной стране или неприятельской. Например, было бы невозможно знать, должен ли житель Баната или Галиции рассматриваться в качестве румына, венгра или кого-либо другого.

Резюмирую: Италия фактически отпустила на свободу большое количество австро-венгерских военнопленных и интернированных граждан, происходивших из областей, принадлежавших бывшей австро-венгерской монархии, учитывая имеющиеся возможности и состояние транспорта. Но что касается правовой стороны вопроса, я не могу взять на себя формального обязательства, потому

что ни одна нация не может быть вынуждена освободить всех военнопленных до того, как будет заключен мир.

Ввиду этих обстоятельств я полагаю, что не следует принимать формального решения. Если, однако, мои коллеги желают принять предложение комиссии, оно должно быть рассмотрено только с точки зрения политической.

Вильсон.—Я думаю, что военнопленные, о коих идет речь, должны быть репатриированы возможно скорее независимо от того, идет ли речь о лицах, имеющих на то право или же этого права не имеющих.

Орландо.—Именно так и поступает Италия. Иными словами, я готов согласиться с принципом, из которого исходит предложение комиссии, но не могу взять на себя формального обязательства.

Вильсон.—Я думаю, что если после освобождения военнопленных, принадлежащих собственно Австрии, каждая из союзных держав будет задерживать военнопленных, принадлежащих другим частям бывшей австро-венгерской монархии, может получиться впечатление, что с дружественными государствами обращаются хуже, чем с бывшими неприятельскими, и положение в Южной Европе от этого еще больше осложнится.

Орландо.—Такое допущение я считаю исключенным. Заверяю Совет, что в тот момент, когда граждане Австрии в собственном смысле будут освобождены Италией, будут также освобождены остальные граждане бывшей австро-венгерской монархии. Но, повторяю, я не могу взять на себя обязательство о немедленном освобождении всех военнопленных, интернированных в Италии. И это—единственное обязательство, которого я не мог бы взять на себя.

Вильсон.—Я думаю, что союзные и присоединившиеся правительства могли бы в настоящий момент быть только запрошены о признании принципа без всякого формального конкретного обязательства.

Орландо.—Тогда мы согласны. Я сделаю все возможное для освобождения наибольшего количества военнопленных. Единственное затруднение будет заключаться в возможностях их перевозки.

(Совет утверждает пункты, касающиеся военнопленных и заботы о могилах: 13 статей, подобных статьям, представленным комиссией, и соответствующих статьям договора с Германией. Кроме того, главы правительств договариваются о том, что все военнопленные, ранее являвшиеся гражданами австро-венгерской монархии и ныне ставшие гражданами одной из союзных и присоединившихся держав, должны быть немедленно освобождены, если состояние транспорта и окончательные решения относительно границ новых государств допускают это. Во всяком случае они не должны быть освобождаемы позднее военнопленных граждан нового австрийского государства.)

Вильсон.—Версальские военные представители, в соответствии с решением Верховного совета от 15-го числа текущего месяца,

представили 21-го числа доклад о численности армий, которые разрешается держать Австрии, Венгрии, Болгарии, Чехо-Словакии, Югославии, Румынии, Польше и Греции.

Орландо.—Присутствующие здесь военные представители могли бы подробно изложить свои предложения.

Ллойд Джордж.—Мне кажется, что мотивы предложений, выдвинутых военными представителями, содержатся в сопровождающем эти предложения докладе, который был роздан. Я считаю этот доклад весьма правильной сводкой аргументов, относящихся к рассматриваемому вопросу.

Вильсон.—Я просил бы генерала Блисса взять слово.

Блисс.—Первый проект военных пунктов, подлежащих внесению в текст мирного договора с Австрией, был подготовлен военными представителями во время моего вынужденного отсутствия. По моем возвращении в Версаль я нашел, что проект этот был уже рассмотрен Верховным советом, который решил возвратить его военным представителям для внесения изменений согласно указаниям Совета. Внимательно рассмотрев работу моих коллег, заявляю, что я принимаю безоговорочно и без всяких изменений их заключения. Установленные первоначально военными представителями цифры были основаны на соображениях военного характера. Однако я отдаю себе отчет в том, что вопрос должен быть разрешен, главным образом, с точки зрения политической. Во время обсуждения военные представители учитывали все связанные с этим вопросы: население и территорию, характер территории, границы и соотношение границ сухопутных и морских, характер местных промышленных предприятий, т. е. являются ли они главным образом сельскохозяйственными или промышленными предприятиями, общий характер населения, наличие больших городов и т. д.* Каждый военный представитель, ведя работу самостоятельно, сформулировал свои заключения. Заключения эти, естественно, расходились между собой в деталях, но достигнутые результаты практически были одинаковы.

Я полностью отдаю себе отчет в том, что Верховный совет связан своим решением, касающимся военных сил, предоставляемых Германии, и что в этом отношении военным представителям были даны точные инструкции принять германские цифры за основу при исчислении соотношения военных сил, предоставляемых Австрии, Венгрии, Чехо-Словакии, Югославии, Румынии, Поль-

* В этом докладе военных предусматривались нижеследующие цифры максимального состава армий: Австрия—40 тысяч, Венгрия—45 тысяч, Болгария—20 тысяч, Чехо-Словакия—50 тысяч, Югославия—40 тысяч, Румыния—60 тысяч, Польша—80 тысяч, Греция—20 тысяч человек. Однако упомянутые версальские военные представители указали в том же докладе следующие цифры, исчисленные на основе, рекомендованной Верховным советом: 15 тысяч—Австрии, 18 тысяч—Венгрии, 10 тысяч—Болгарии, 22 тысячи—Чехо-Словакии, 20 тысяч—Югославии, 28 тысяч—Румынии, 44 тысячи—Польше, 12 тысяч—Греции.

ше, Болгарии и Греции. Мне кажется бесполезным повторять, что цифры, касающиеся Германии, не были основаны на соображениях военного характера. Военный комитет, возглавляемый маршалом Фошем, вначале единодушно предложил Верховному совету предоставить Германии военную силу в размере 200 тысяч человек, призываемых в армию путем набора. Предложение военного комитета было отвергнуто Верховным советом с указанием, что обязательная военная служба должна быть заменена добровольной. Вследствие этого комитет предложил, чтобы общее количество кадровых и резервных войск не превышало 140 тысяч человек. Французские представители горячо настаивали на снижении этой цифры до 100 тысяч человек. Когда вопрос вновь рассматривался в Верховном совете, британский премьер-министр высказал несколько соображений, свидетельствующих о его расхождении с мнением военных советников. Он настойчиво указывал на существующие во Франции опасения насчет возможности новой агрессии со стороны немцев и добавлял, что опасения эти следует принять во внимание; вследствие этого он рекомендовал, чтобы Совет согласился на цифру в 100 тысяч человек, предложенную французскими представителями. Мне пока не приходилось слышать аргументов, могущих убедить меня в правильности цифры 100 тысяч с точки зрения военной; я же лично могу заставить себя отказаться от своего мнения военного человека только под напором убедительной аргументации.

Наконец, когда вопрос о малых государствах был вновь передан 15-го числа текущего месяца на рассмотрение военных представителей, причем в качестве предпосылки было указано, что численность австрийских военных сил не должна превышать 15 тысяч человек, положение представилось мне в таком виде. Тщательное рассмотрение положения в Центральной и Южной Европе оправдывает то предположение, что в близком будущем в названных областях могут вспыхнуть большие волнения как следствие выполнения мирных условий. Если союзные и присоединившиеся державы захотят отказать вышеназванным государствам в предоставлении сил, достаточных для поддержания порядка, на кого ляжет ответственность за это? По моему мнению, рекомендованная военными представителями цифра чрезвычайно мала для поддержания порядка в названных неспокойных областях. Я полностью признаю основательность того мнения, что вопрос этот должен быть разрешен, главным образом, с точки зрения политических соображений, но я убежден, что в случае уменьшения военных сил Австрии и других государств эти последние превратятся в простых вассалов двух континентальных держав Согласия. В случае беспорядков и при условии, что эти государства будут бессильны ликвидировать их за отсутствием необходимых сил, Франция и Италия неизбежным образом будут вынуждены содержать больше войск для того, чтобы время от времени оккупиро-

вать эти территории с целью подавления беспорядков. Я не думаю, чтобы такое положение могло способствовать поддержанию европейского мира в будущем. Совет, несомненно, отдает себе отчет в том, какую опасность представляют собой будущие комбинации между Германией и славянскими и азиатскими расами, в результате чего западноевропейская культура может быть сметена с лица земли. Лично я не верю в возможность исчезновения англо-латинской культуры Западной Европы, но полагаю, что, устраняя возможность поддержания порядка в Центральной и Южной Европе, Совет содействует осуществлению такого предположения. Блеск военной славы, сопутствующей в настоящее время некоторым западноевропейским нациям, может в действительности свидетельствовать не о здоровье, а только о болезненном, лихорадочном возбуждении, которое могло бы привести к разрушению латинской и англосаксонской культуры вдоль западного побережья Европы.

В заключение я желаю обратить внимание на тот факт, что принятие цифр, основанных на инструкциях, исходящих от Верховного совета, неизбежным образом свело бы рассматриваемые государства на положение вассалов западных держав Согласия.

Ллойд Джордж.—Я просил бы генерала Блисса сформулировать свое предложение.

Блисс.—Мое предложение заключается в том, чтобы Совет принял рекомендуемые военными представителями цифры.

Вильсон.—Было предложено, чтобы Верховный совет дал военным представителям инструкции выносить свои решения, беря за основу цифру 15 тысяч человек войск для Австрии. Я сам никогда не соглашался на эту цифру и предлагал цифру 20 тысяч. Изложенные генералом Блиссом соображения весьма серьезны и требуют внимательного рассмотрения. По моему мнению, Верховный совет не должен с легкостью принимать или изменять цифры. Я предлагаю поэтому, чтобы вопрос был отложен для дальнейшего его рассмотрения с точки зрения политической.

Клемансо.—Я присоединяюсь к сказанному президентом Вильсоном. Я хотел бы, чтобы копия речи генерала Блисса была роздана членам Совета.

Орландо.—Речь генерала Блисса произвела на меня большое впечатление.

Ллойд Джордж.—Несомненно, Верховный совет вскоре получит от Германии протест по поводу предоставляемой ей цифры военных сил в 100 тысяч человек. По моему мнению, немцы никогда не согласятся на эту цифру. Пока я готов согласиться с генералом Блиссом, что 100 тысяч человек—несоразмерная для Германии цифра. Вначале я согласился на эту цифру под давлением маршала Фоша. Французы находятся ближе к немцам, и ввиду этого их желания должны учитываться в возможно большей мере. Однако я убежден, что через два-три дня Верховный совет узнает мнение немцев по этому вопросу. Я думаю поэтому, что

было бы лучше рассмотреть вопрос с точки зрения Германии, Австрии, Венгрии и других государств в целом. Я не считаю возможным рассматривать Австрию и Венгрию в отдельности друг от друга.

Вильсон.—Обращаю внимание на следующий пункт, содержащийся в докладе военных представителей:

«Своими восточными границами эти две нации—Польша и Румыния—соприкасаются с большевистской Россией. Они не только подвергаются непосредственной угрозе с этой стороны, но фактически представляют собой барьер, защищающий Европу от большевизма. Поэтому государствам этим должна быть предоставлена возможность продолжать войну против максималистской России всеми имеющимися в их распоряжении средствами. Необходимо предоставить Польше и Румынии право держать в мобилизационной готовности свои войска под контролем Лиги наций до тех пор, пока русский вопрос не будет окончательно разрешен».

Ллойд Джордж.—Напоминаю о своем заявлении, что вопрос о предоставлении военных сил Австрии, Венгрии, Болгарии, Чехо-Словакии, Югославии и Румынии, Польше и Греции должен рассматриваться в целом. Если Чехо-Словакии будет предоставлено право содержать армию без ограничения размеров набора, она сможет держать 1 250 тысяч человек против 100 тысяч, предоставленных Германии. По моему мнению, невозможно применять к Германии ограничения, не делая этого одновременно в отношении других стран; в противном случае Германия будет вынуждена пойти на агрессивный союз с балканскими странами, направленный против западных держав. В этом смысле мне показались весьма убедительными замечания генерала Блисса относительно возможности образования немецко-славянского союза.

(Решено отложить дальнейшее рассмотрение военных статей мирных условий с Австрией.)

Морские статьи.

Ллойд Джордж.—По моему мнению, единственный пункт, требующий вынесения решения относительно предлагаемых статей, заключается в оговорке, сделанной американским представителем адмиралом Бенсоном, о невключении в мирный трактат с Австрией статьи, запрещающей производство военно-морских материалов по иностранным заказам на территории государств, ранее входивших в состав Австро-Венгерской империи. По-моему, в данном случае речь идет о незначительных вещах, и мне безразлично—будет или не будет включена названная статья в текст трактата.

Вильсон.—На последнем заседании у меня получилось впечатление, что речь идет о серьезном предмете. После этого я советовался со своими экспертами и убедился, что речь идет о предмете незначительной важности. С другой стороны, я не знаю, стоит ли включать в текст мирных условий статьи, лишенные реального значения. Поэтому я предлагаю исключить эту статью.

(Решено, что морские условия будут одобрены в виде, представленном комиссией по договору с Австрией, с исключением параграфа 2 статьи 25, запрещавшей производство морских

материалов по иностранным заказам в странах, входивших ранее в состав Австро-Венгерской империи.

Утверждаются авиационные статьи (27—39) без изменений.

Статьи, относящиеся к Междусоюзнической контрольной комиссии по военным, морским и авиационным пунктам, подлежащим включению в договор с Австрией (статьи 40—46), утверждаются в представленной специальной комиссией редакции без изменений; таким же образом утверждаются общие (47—50) статьи.)

Выходя, Ллойд Джордж рассказывает Орландо, что полковник Дельме-Рэдклиф, бывший долгое время военным атташе при британском посольстве в Риме и благоприятно к нам относящийся, сказал Вильсону: «Если вы отдаете Италии 200 тысяч немцев на Бреннере, отчего бы не отдать ей несколько тысяч фиумских славян?» Орландо говорит мне: «Лишь бы теперь Вильсон не раскаялся в том, что согласился на уступку Бреннера!»

Орландо озабочен тем, как ему поступить: если он согласится подписать мирный договор с Германией, он сможет воспользоваться какой-либо своей оговоркой для оказания давления при урегулировании адриатического вопроса. Но теперь может ли он сказать «не подписываю»? И если бы он это сказал, каким образом Австрии могут быть предъявлены мирные условия? Какую можно приискать формулу или оговорку, которая звучала бы менее громко, чем «не подписываю»?

Фразье, принимавший вчера участие в вопросе о беседе Хауз—Орландо, разговаривал сегодня с Галлаврези. Каждый из них высказывает другому горькие истины, поддерживая точку зрения Вильсона или Орландо. Беседа не приводит ни к каким заключениям. Однако со стороны Фразье высказывается признание заслуг Италии, «которая в 1915 г. спасла Антанту», а также больших жертв, понесенных Италией; Фразье признает также, что благодаря эгоизму Франции и Англии Италия не получила компенсации. Фразье высказывается за проведение плебисцита в Далмации, Фиуме и Либурнии.

Вильсон беседовал с Маркони. Вильсон сказал: «Лондонский договор—великая несправедливость»*.

16 часов.—Заседание Четырех у Вильсона.

Ллойд Джордж зачитывает сообщение маршала Фоша, полученное им от секретариата, в котором говорится, что немцы не подпишут договора и подготовят новую войну. Письмо это, имеющее весьма важное значение, было получено им в тот момент, когда он отправлялся на заседание, и датировано 17 мая. Он отмечает, что письмо пришло с опозданием.

Клемансо.—Мне об этом ничего неизвестно. (Зачитывает сообщение, согласно которому южные немецкие католики хоте-

* Ср. стр. 328.

ли бы образовать отдельную антипротестантскую и антибольшевистскую конфедерацию.)

(Четверо подписывают принятое вчера решение о морских статьях, подлежащих включению в текст договора с Австрией.)

Клемансо.—Я должен сообщить важную вещь *(обращаясь к Орландо)*, которая касается вас.

Мне сообщили, что итальянское общественное мнение очень возбуждено против Франции. Это—факт, в рассмотрение причин которого я не желаю входить. Французский посол в Риме Баррер, являющийся другом Италии, прислал мне за последние дни очень неприятные телеграммы. «Марсельеза» была освистана в Турине; французские офицеры подверглись оскорблениям в различных местах. Баррер предпринял шаги в Риме, рекомендовав итальянскому правительству вмешаться и положить конец крайностям, в которые впадает пресса. Сегодня Баррер сообщил, что французские офицеры подверглись в Милане столь серьезным оскорблениям, что им не следовало бы там больше оставаться.

В Милане находится около 1 200 французских солдат. Я запросил военное министерство о том, нельзя ли немедленно отозвать их оттуда, но мне было отвечено, что Милан является базой французских войск в Италии и что если база будет перенесена в другое место, придется отозвать все войска. Я не хочу делать этого, не посоветовавшись с г. Орландо. Опасно отзывать их. Это будет свидетельствовать о том, что между Францией и Италией происходят трения. Это нехорошо. С другой стороны, если войска не будут отозваны, можно опасаться повторения весьма серьезных инцидентов. Я не могу взять на себя ответственности за допущение этих инцидентов. Сегодня во французском парламенте состоится торжественная демонстрация в ознаменование четвертой годовщины вступления Италии в войну. Это получило полное одобрение французского правительства. И именно в этот момент французские офицеры подвергаются оскорблениям. Я не обвиняю итальянское правительство; знаю, что г. Орландо совершенно непричастен к этому.

Орландо.—Мне очень жаль, что я не в состоянии отрицать того, что общественное мнение Италии причиняет мне серьезные заботы. Это является результатом ожесточения, вызванного продолжительной войной и тревогой по поводу того обстоятельства, что наиболее интересующие Италию вопросы не получили еще разрешения. Разумеется, правительство не имеет никакого отношения к этим выступлениям, которые в последнее время были направлены против самого правительства. Это и явилось причиной моей последней поездки в Италию, где я хотел встретиться с моими коллегами по кабинету. Мне было сказано, что за последние дни положение несколько улучшилось и наступило некоторое успокоение. По просьбе г. Клемансо я велел произвести расследование инцидента в Генуе. Префект этого города сообщил мне,

что там не произошло ничего такого, о чем сообщалось. Сегодня я первый раз слышу о других инцидентах. Я не знаю о шагах, предпринятых г. Баррером перед Консультой. Альдрованди говорит мне, что никакого сообщения по этому поводу до сих пор от министерства иностранных дел не получено.

Клемансо.—Возможно, что эта информация осталась в Риме, так как Баррер просил меня сказать об этом г. Орландо.

Орландо.—Я осведомлюсь и немедленно дам ответ. Я узнал об этих инцидентах с величайшим прискорбием и сожалением.

Клемансо.—Я думаю, что не следует терять время, так как я должен буду немедленно отозвать войска во избежание серьезных инцидентов. Я не вижу особых причин к оставлению французских войск в Италии за исключением того соображения, что настоящий момент кажется мне неподходящим для их отозвания. Это повело бы к отозванию двух итальянских дивизий, находящихся во Франции.

Ллойд Джордж.—Сколько французских войск находится в Италии?

Орландо.—Я думаю, что в настоящее время там имеется всего лишь одна бригада французских и одна бригада английских войск.

Клемансо, говоря о миланских событиях, впадает в чрезвычайно грубый тон.

Рассматриваются различные вопросы: Россия; мирный договор с Болгарией.

. . . .

Вильсон.—Обращаю внимание на заявления, сделанные на сегодняшнем утреннем заседании генералом Блиссом. Они мне кажутся весьма важными.

Клемансо.—Согласен. Но они касаются лишь одной стороны вопроса.

Ллойд Джордж.—Великие державы не должны бы позволять малым государствам пользоваться ими как «кошачьими когтями» (catspaws) для удовлетворения своих жалких амбиций. Пруссия начинала совершенно так же, как теперь начинают эти государства, а в то время население ее не превышало населения Югославии. Мы должны заключить мир с Австрией. Должны ли мы сказать, что у Австрии должно быть войско всего в несколько тысяч человек, что Германия может иметь только 100 тысяч человек и позволить Чехо-Словакии держать полтора миллиона войск и два миллиона—Польше, которая именно в этот момент вопреки решениям великих держав упорно ввязывается в империалистическую авантюру? Это является оскорблением скромности, изменой верности, справедливости. Мы должны быть справедливыми также и в отношении германского народа.

Вильсон.—Я полагаю, что весь вопрос о вооружениях должен быть разрешен в целом.

Орландо.—Я обдумал все это. Последствия принятых в настоящее время решений будут различны и весьма значительны. Снижение цифры военных сил, предложенное военными представителями, довело бы численность войск этих государств до состава итальянских довоенных сил. У Чехо-Словакии оказалось бы 50 тысяч человек; мирный контингент Италии составлял 180 тысяч человек, между тем как население Италии было в три раза многочисленнее, чем Чехо-Словакии. Цифры, предложенные военными представителями, не означают разоружения. В сравнении с цифрами, предоставленными Германии, чехо-словацкая армия была бы пропорционально гораздо больше, т. е. равнялась бы половине немецкой армии, хотя Германия во много раз больше Чехо-Словакии. Весь мир должен уменьшить свои вооружения.

Клемансо.—Я полагаю, что это является самым серьезным из всех вопросов, которые нам предстоит разрешить. Я имею в виду то, о чем говорил г. Ллойд Джордж, но имеется еще другой пункт.

Ллойд Джордж.—Я его не знаю. В чем он заключается?

Клемансо.—Он заключается в том, что итальянцы кого-то будут убивать.

(Манту неточно переводит эту фразу на английский язык для Вильсона и Ллойд Джорджа; но, как он имеет обыкновение поступать в трудных случаях, смягчает тон: так, вместо «убивать» он говорит «нападать».)

Клемансо.—Я считаю необходимым выслушать то, что хотели бы сказать малые государства. В настоящий момент они обременены обязательствами по выплате австрийских долгов. Я не думаю, что они будут хорошо расположены к великим державам, если последние потребуют от них снижения вооружений. Одна из наибольших гарантий против германской агрессии заключается в том, что за Германией находятся Чехо-Словакия и Польша, занимающие превосходную стратегическую позицию. Это обстоятельство затруднит Германии возможность возобновить свой удар 1914 г. Мои военные эксперты ввиду русской опасности высказываются против уменьшения польской армии. Это относится и к Румынии. Будет ли Сербия после всех понесенных ею жертв довольна уменьшением ее военных сил до 20 тысяч человек? То же самое можно сказать о Чехо-Словакии. Я признаю силу аргументации г. Ллойд Джорджа, но не знаю, каким образом его политическая идея может получить применение.

Вильсон.—Я сложил все цифры, указанные военными, и нашел, что сумма их составляет 350 тысяч человек для всей Восточной Европы.

Ллойд Джордж.—Цифры, указанные военными, не представляют действительной мощи армий, которые предположено создать. За исключением случаев, касающихся Германии, Австрии и Венгрии, где допускаются только добровольческие армии, цифры практически будут годичными цифрами. Например, если у Чехо-Слова-

кии будет армия в 50 тысяч человек и они будут обучаться в течение года, то через 12 лет у нее окажется более чем полумиллионная армия.

Вильсон.—Я полагаю, что ограничение снаряжения и снабжения является частью плана военных экспертов.

Ллойд Джордж.—Опыт Англии показывает, что в начале войны у нее имелись очень скудные запасы военного снаряжения. Впрочем, весьма затруднительно гарантировать, что эти государства не сумеют добыть его каким-либо другим образом.

(Вопрос откладывается.)

На сегодняшнем заседании Ллойд Джордж был бледен, озабочен, к нам благожелателен; Вильсон все время настроен против; Клемансо—враждебен. Он произнес фразу, касающуюся разоруженного соседа, которого итальянцы будут «убивать», грубо, с подчеркнутой резкостью в тоне и вращая устремленными на Орландо глазами. При выходе протягивает, как обычно, руку. Я не пожимаю ее. Он не реагирует на это. Не знаю, заметил ли он это или не хотел замечать.

Соннино согласен с Орландо, что лучшее, что нам следует делать в адриатическом вопросе, это—ждать. Орландо рад, что Соннино разделяет его мнение.

Суббота, 24 мая.

Четвертая годовщина вступления Италии в войну.

Получаем декреты о назначении Креспи и Империали членами итальянской мирной делегации вместо Саландры и Сальваго Раджи, окончательно вышедших из состава делегации. Я читаю в тексте декретов, что они назначены полномочными представителями «для участия в обсуждении и вынесении решения по вопросам, имеющим целью установление условий справедливого и длительного мира». Да, именно «справедливого и длительного» мира, сказано в декретах. Мне хотелось бы найти происхождение этой формулировки. «Справедливый и длительный» мир представляет собой фразу, которую газеты повторяют в течение нескольких месяцев. Не далее как вчера я сообщал Клемансо в комнате Вильсона то, о чем уже в течение нескольких недель говорилось в Париже, а именно, что Четверо со всей тщательностью готовят «справедливую и длительную войну». Клемансо: «Кто это сказал? Кто это сказал?»

Говорю Креспи: «Мои поздравления!»—«Соболезнования!»—отвечает он.

11 часов.—Заседание в доме Вильсона.

Четверо будут обсуждать с экспертами экономические статьи, подлежащие внесению в договор с Австрией.

В ожидании прихода остальных экспертов Четверо, стоя, обсуждают другие вопросы: Саар, редакционные ошибки, вкрав-

шиеся в статьи 102 и 104 мирного договора с Германией; Хэнки дает Четырем подписать принятые вчера решения по договору с Австрией, которые он перешлет в редакционный комитет. Подписываются статьи, касающиеся военнопленных, авиационные статьи, пункты, относящиеся к междусоюзнической контрольной комиссии в Анатолии (с временной оговоркой Вильсона, полагающего, что американцы не примут в ней участия), общие пункты, а именно пункты от 47 до 50, военных, морских и авиационных статей, подлежащих включению в договор с Австрией (с временной оговоркой Орландо, желающего посоветоваться со своими экспертами).

Я слышу, как Клемансо говорит остальным Трем: «Мне пришла в голову мысль образовать военный союз некоторых бывших австро-венгерских государств с соблюдением специальных гарантий».—*Вильсон*: «Мне также пришла в голову мысль: вынести постановление о разоружении, но ввести его в действие лишь после решения Лиги наций».—*Орландо*: «Это следует обсудить».

Присутствуют нижеследующие эксперты по экономическим статьям: от Америки—Барух, Ламонт, Пальмер; от Англии—Ллыоэлин Смит, Пэйн, Картер; от Франции—Клемантель, Альфан, Серрюйс; от Италии—Креспи, д'Амелио, Луччоли.

Вильсон.—Я узнал, что эксперты вполне согласны между собой в вопросе об экономических статьях мирного договора с Австрией.

Клемантель.—Да, за исключением одного пункта, предусматривающего меры по аннулированию чрезвычайных контрактов, заключенных во время войны, и соответствующие компенсации.

После продолжительного обсуждения, коснувшегося также вопроса о том, должны ли эти экономические статьи в случае их утверждения быть включены также в договор с Германией, выносится следующее решение:

«Статьи, касающиеся аннулирования чрезвычайных мер, должны быть выпущены из договора с Австрией, а статьи, касающиеся компенсаций за аннулирование контрактов, должны быть сохранены в договоре с Австрией и предъявлены немцам для включения в договор с Германией, если они этого пожелают».

Креспи, молчавший в течение всего заседания, следующим образом резюмирует положение: «Теряем 80 миллионов».

После ухода экспертов экономической комиссии Четверо продолжают обсуждать вопросы, касающиеся России, польско-украинского перемирия.

Возвращаясь в гостиницу, Орландо имеет озабоченный вид; он думает о том, что произойдет сегодня в Риме: он запретил произнесение речи в Августео Габриэлем д'Аннунцио. Американский посол, помня грубо оскорбительные выпады против Вильсона, содержащиеся в речи от 4 мая, обратил на это внимание правительства, угрожая разрывом отношений между Соединенными Штатами и Италией.

Бардзилаи рассказал мне, что 4 мая д'Аннунцио хотел силой проникнуть в Августео с револьвером в руке.

16 часов.—Заседание Четырех у Вильсона.

Участвует также представитель Японии виконт Чинда.

Обсуждаются вопросы: Россия; военное положение в Сибири; введение еще одного представителя Японии в комиссию по делам новых государств; положение балтийских провинций; договор с Болгарией; предложение Венизелоса заслушать его мнение о греческих границах; Данциг.

Мне сообщили, что на заседании пяти министров иностранных дел, состоявшемся сегодня на Кэ д'Орсе, были обсуждены менее важные вопросы, касающиеся договора с Австрией; запроса Бенеша о финансовых статьях, интересующих Чехо-Словакию (статьи эти переданы в комиссию по финансовым и репарационным делам); запроса Гиманса относительно произведений искусства, находившихся ранее в бельгийских провинциях и в настоящее время хранящихся в Вене, в частности «Триптих святого Ильдефонса» Рубенса, «Сокровище золотого руна» и т. д.

Воскресенье, 25 мая.

Орландо сегодня утром побывал у Клемансо. Застал его в страшном возбуждении. Клемансо говорит, что поставит завтра на обсуждение Четырех вопрос об антифранцузских демонстрациях в Италии и отзовет все французские войска из Италии. Рассказывая мне об этом, Орландо говорит: «Пусть делает»*.

Понедельник, 26 мая.

11 часов.—Заседание Четырех.

Легкие исправления, предложенные Сесилем для внесения в статут Лиги наций в части, касающейся воздухоплавания. Письмо Четырех адмиралу Колчаку[42] при участии японского делегата.

. . . .

(Орландо также подписывает общие пункты (47—50) военных, морских и авиационных статей в договоре с Австрией, взяв обратно сделанную им ранее оговорку. Передаются в редакционный комитет.)

---

* Привожу рассказ Хауза, датированный 25 мая (C. Seymour, op. cit., v. IV, p. 486): «Наиболее интересным был визит Тардье. Он пришел заявить мне от имени Клемансо, что Орландо только что побывал в военном министерстве, уведомив его, что итальянцы на завтрашнем заседании хотят потребовать от французов и англичан применения Лондонского договора. Тардье находился в сильно возбужденном состоянии и хотел, чтобы я связался с президентом, что мною и было сделано по частному телефону. Незадолго перед тем я расстался с президентом в «парижском Белом доме», но в тот момент никто из нас не знал о последней «denoûment» [развязке] положения в Адриатике. Президент был смущен, но не потерял самообладания. Он полагал, что возможно будет найти путь к выходу».

Зачитывается письмо австрийской делегации от 24-го числа, в котором указывается, что вызванная в Париж делегация находится в Сен-Жермене с 14 мая, ничего до настоящего времени ей не было дано знать и она хотела бы ускорения переговоров, так как задержка эта вредно влияет на международное положение Австрии и вызывает чрезмерные расходы ввиду переживаемого ею тяжелого экономического положения.

Ллойд Джордж.—Я думаю, что в отношении Австрии мы могли бы допустить процедуру, отличающуюся от той, которая была принята нами при переговорах с Германией.

Нельзя сравнивать эти два случая. Австро-Венгерская империя раскололась: одна из ее частей дружественна нам, другая, состоящая из Австрии и Венгрии, в лучшем случае не враждебна. Австрия не относится к той категории, в которую входит Пруссия. Не следует ли поэтому дать Австрии ответ, несколько отличный от ответа, данного Германии? Насколько мне известно, вопрос о компенсации и военных условиях будет готов только через несколько дней—от 8 до 10, но остальные части договора готовы, как, например, статьи, касающиеся границ Австрии и Венгрии.

Вильсон.—Южные границы Австрии пока не определены.

Ллойд Джордж.—Они могли бы быть установлены в течение весьма непродолжительного срока. Порты и водные пути и железные дороги готовы, также и финансовые статьи. Можно было бы пока предъявить все это австрийцам и оставить вопросы, касающиеся репараций, и военные статьи. Тем временем эксперты союзных и присоединившихся держав могли бы встретиться с австрийскими экспертами. Я не говорю, чтобы Совет Четырех встретился с австрийцами; но встреча эта могла бы состояться между экспертами для обсуждения в общих чертах вопросов о компенсациях и военных вопросов.

Клемансо.—Но эксперты потребуют точных инструкций.

Вильсон.—Нам точно известно, что́ думают об этом эксперты. Здесь у меня имеется заметка, составленная сэром Морисом Хэнки на основании его дневника за неделю. Отмечаю, что из этой заметки не видно, чтобы редакционному комитету было сделано какое-либо сообщение относительно границ между Австрией и Италией.

Ллойд Джордж.—Это можно было бы урегулировать сегодня.

Вильсон.—Как мне помнится, мы договорились о том, что по отношению к Австрии надо действовать несколько иначе, чем по отношению к Германии. Поэтому я согласен с г. Ллойд Джорджем и принимаю его предложение созвать экспертов.

Орландо.—Я спрашиваю себя, нет ли возможности разрешить все вопросы в общих чертах. Думаю, что неурегулированные вопросы можно было бы уладить в течение двух-трех дней; тогда мы смогли бы приступить к переговорам. Но принятие особой

процедуры в отношении австрийской делегации вопреки первоначальному решению не было бы правильно понято в Италии, где Австрия всегда считалась главным врагом. Австро-Венгерская империя развалилась, и образовавшиеся при этом государства вызывают в Италии различное к себе отношение: одни—дружелюбное, другие же—наоборот. Австрия все еще считается главным врагом. Если принять по отношению к ней особую процедуру, это произведет в Италии тяжелое впечатление. Я согласен, что следует принять быстрое решение, но я не понимаю, почему один или два вопроса должны оставаться неразрешенными, между тем как остальные условия мирного договора будут вручены Австрии. Принятие особой процедуры, отличной от процедуры переговоров с Германией, создало бы самое неблагоприятное впечатление в Италии, не принеся никакого полезного результата. Если в три или четыре дня возможно будет в достаточной мере закончить договор и вручить его австрийцам, не создавая при этом впечатления, что договор предъявляется в неполном виде, я не буду возражать.

Ллойд Джордж.—Италия должна отдать себе отчет в том, что мир с Австрией глубоко отличается от мира с Германией. Если бы предположить, что Бавария и Саксония отделились до окончания войны от Пруссии и стали сражаться против нее, то для союзников оказалось бы невозможным придерживаться принятой нами линии поведения. Прежде всего мы не встретились бы с представителями Германской империи. Поэтому мы можем принять другую линию поведения. Я не вижу причин, по которым Италии следовало бы возражать против иной процедуры. Сомневаюсь, чтобы вопрос о военных условиях и компенсациях мог бы быть удовлетворительно разрешен в течение трех или четырех дней.

Клемансо.—Я готов приложить все усилия к тому, чтобы договориться с г. Орландо, ибо мне по опыту известно, что когда союзники несогласны с Италией, непосредственным результатом этого бывает что-либо антифранцузское, а иногда и демонстрации в Италии, что в высшей степени неприятно.

Поэтому мне прежде всего хотелось бы избежать каких бы то ни было расхождений с Италией.

Однако относительно заявления Орландо о том, что вначале было решено принять одинаковую процедуру как в отношении Австрии, так и Германии, замечу, что это не так. Г-н Орландо не присутствовал, и не по нашей вине, на совещании, когда определялась линия поведения, на которую намекали президент Вильсон и г. Ллойд Джордж. Новая процедура была согласована в его отсутствие. Все, чего я добиваюсь, это—разумное соглашение. Мир с Австрией отличается и в некоторых отношениях гораздо труднее мира с немцами, так как страна распалась на части, что породило всевозможные вопросы, касающиеся границ. Кроме

того, мы сталкиваемся с вопросами, возникающими на польском фронте и в других пунктах бывшей Австро-Венгерской империи. Между тем я узнал, что в Истрии строятся траншеи и устанавливаются проволочные заграждения с той и другой стороны. Президент Вильсон прибыл в Европу с мирной программой для всех. Его идеал весьма возвышенный, но приводит к серьезным затруднениям по причине застарелой, вековой ненависти между различными народностями. В Центральной Европе мы должны не только дать всем то, что каждому полагается, но и иметь при этом в виду самих себя. Возьмем вопрос о разоружении. Г-н Орландо навестил меня вчера, чтобы обсудить со мной вопрос о Далмации; но южные славяне, конечно, не согласятся разоружиться, если Италия сохранит свою нынешнюю позицию. Мне, со своей стороны, невозможно выступать против Италии в этом вопросе, так как Франция поставила свою подпись под договором 1915 г.; но вопрос этот не может быть разрешен в два или три дня. Во время вчерашнего визита г. Орландо мы касались, главным образом, антифранцузских манифестаций в Италии. Г-н Орландо сказал, что наступило улучшение, но после его визита я получил от г. Баррера две телеграммы, в которых говорится, что положение, наоборот, ухудшилось. В Италии ведется открытая германофильская пропаганда, на которую Германия расходует огромные суммы. Все это следует прекратить, и для этого существует единственный путь. Необходимо иметь мужество приняться за дело и разрешить возможно скорее наиболее трудный вопрос. Нелегко это сделать, и это возможно только в том случае, если г. Орландо примет во внимание, что наиболее важный пункт заключается в сохранении согласия со своими союзниками. Напомню, что на прошлой неделе у меня было серьезное расхождение с г. Ллойд Джорджем по вопросу о Сирии. Мы оба говорили со всей откровенностью. Несмотря на это, мы оба пришли к заключению, что не допустим, чтобы наши расхождения могли подорвать прочность Согласия. В некоторых итальянских кругах полагают иначе. Повторяю, что вышеуказанные вопросы не могут быть разрешены в течение трех дней, поэтому с австрийцами невозможно встретиться с готовым договором, как это было с немцами. Если г. Орландо согласен, я считал бы необходимым начать с совещания экспертов. Благодаря этому было бы выиграно время. Очень трудно быстро разрешить эти в высшей степени трудные вопросы. Президент Вильсон настаивает на своих принципах, считая их применимыми к договору с Австрией. Франция и Англия принимают эти принципы, но при этом не могут отказаться от своих обязательств, вытекающих из факта подписания ими договора 1915 г. Если г. Орландо желает соглашения, он должен обсудить его, имея при этом, главным образом, в виду сохранение Согласия. В то же время надо изыскать средства для того, чтобы австрийская делегация была спокойна. Мы должны будем заявить ей, что договор еще не готов,

но что мы считали бы полезным передать вопрос на обсуждение экспертов. Я не хочу создавать хлопот г. Орландо в Италии; если таковым должен быть результат, я возьму обратно все свои слова, но мне очень хочется, чтобы австрийские делегаты не уезжали в Вену.

Орландо.—Искренне благодарю г. Клемансо за его слова, сказанные с полной откровенностью и ясностью. Я не хочу детально останавливаться на переживаемых Италией затруднениях. Сведения, полученные мной из Италии, совершенно отличаются от донесений г. Баррера, которые я считаю преувеличенными. Несмотря на это, я не хочу отрицать, что в Италии создалось весьма серьезное положение. Прошу извинить меня, если я напомню, что г. Ллойд Джордж перед своим отъездом в Лондон известил нас, что если ему пришлось бы возвращаться в Англию, не сделав важных шагов к достижению мира, то положение его было бы весьма трудным. Совершенно так же обстоит дело в отношении Италии. Там затруднения возникают на почве неуверенности. Раз ее требования будут удовлетворены, Италия будет столь же лойяльна по отношению к союзникам, как и раньше. Я совершенно уверен в том, что наблюдающиеся в настоящее время в Италии явления беспокойства вызваны тревогой и неуверенностью. Подобно г. Клемансо, я решил никогда не порывать связи с Согласием и принять все вытекающие отсюда лично для меня рискованные последствия. Я думаю, что меня невозможно обвинить в чрезмерной непримиримости. Я всегда искал возможности достижения соглашения; так, например, во время недавних переговоров с полковником Хаузом и г. Миллером я обсуждал предложения, обязывавшие Италию к серьезным уступкам. Приношу благодарность г. Клемансо за его мужественные слова, направленные к разрешению главнейших проблем, как бы трудны и сложны они ни были. Но ввиду возбужденного состояния общественного мнения, я спрашиваю, следует ли усиливать это возбуждение вопросами процедуры. В условиях нервной атмосферы, царящей в Италии, вопросы о процедуре, вроде рассматриваемой нами, могли бы вызвать новый взрыв раздражения, которое привело бы к нежелательным последствиям. Это является единственной причиной моего беспокойства.

Вильсон.—Мне кажется, что г. Орландо в своем выступлении указал путь к выходу. Он предложил заявить австрийцам, что в среду или четверг им будут представлены все вопросы, которые оказалось возможным разрешить, и что остается еще несколько неразрешенных вопросов.

Орландо.—Президент Вильсон точно передал мою мысль, и я принимаю его предложение.

Ллойд Джордж.—Остается только подразделить мирный договор на две категории.

Вильсон.—Полагаю, что следует отложить только военные и репарационные вопросы.

Решено, что мирный договор будет вручен австрийцам в течение этой недели*, но что военные и репарационные статьи будут оставлены для обсуждения их с австрийскими экспертами.

Хэнки подготовит в соответствии с этим решением проект ответа для австрийской делегации.

Заседание продолжается. Обсуждаются нижеследующие вопросы: принятие Германии в Международную организацию труда; мероприятия на случай отказа немцев подписать договор (Фош будет уведомлен Советом за три дня); письмо д-ра Бенеша, в котором он просит выслушать его мнение по военным и финансовым вопросам, касающимся договора с Австрией, границы Баната; требование Японии о допущении на заседания Совета Четырех (Японии дан любезный ответ, что она будет приглашена, когда речь пойдет о вопросах, особенно ее интересующих); письмо германской делегации относительно статьи 438 договора с Германией (религиозные миссии); письмо германской делегации об ответственности за последствия, вытекающие из репараций (отослано на заключение репарационной комиссии).

. . . .

Орландо, докладывая сегодня итальянской делегации об утреннем заседании и о принятом решении относительно вручения Австрии условий мира, добавляет: «Альдрованди не находит решение удовлетворительным, мне же кажется, что это не так». Бардзилаи говорит: «Да, да». Соннино и Креспи молчат, не высказываются.

16 часов.—Заседание Четырех у президента Вильсона.

Присутствуют гг. Ламонт, Тардье и Креспи из репарационной комиссии; они сообщают о своих утренних беседах с делегациями держав, имеющих особые интересы в части, касающейся репарационных статей в договоре с Австрией и Венгрией, и требуют инструкций.

Затем входят члены комитета по делам новых государств: от Америки—Миллер и Гудзон; от Англии—Хедлэм-Морли и Карр; от Франции—Бертело и Каммерер; от Италии—де Мартино.

Обсуждается составленный комитетом по делам новых государств проект подлежащих включению в договоры с Австрией и Венгрией статей, касающихся защиты меньшинств. Эти статьи те же, что и принятые для договора с Польшей, за исключением специальных не указанных здесь пунктов, касающихся евреев. Пункты эти не были признаны необходимыми в применении к Австрии, где положение евреев иное.

Вильсон.—Быть может, было бы лучше включить сюда эти статьи, хотя в них и не представляется необходимости? Иначе Польша могла бы обидеться на это.

Хедлэм-Морли.—Должна ли Австрия рассматриваться как новое государство или как старое государство, являющееся наследником Австро-Венгерской империи? Некоторые части договора, повидимому, редактированы на основе первого из этих предположе-

* Он был вручен на следующей неделе, в понедельник, 2-го числа.

ний, другие же—на основе второго. Опасно трактовать Австрию в качестве государства, обладающего правами бывшей Австро-Венгерской империи. Я составил по этому поводу памятную записку.

Ллойд Джордж.—Вопрос этот достоин внимания. Предлагаю передать его на обсуждение редакционного комитета.

Орландо.—Вопрос требует внимательного рассмотрения. С первого взгляда я не мог бы дать своего согласия. Мне кажется, что здесь создается новый прецедент.

Клемансо.—Согласен с г. Орландо.

(Вопрос решено передать в редакционный комитет. Статьи, касающиеся меньшинств, утверждаются без изменений.)

. . . .

Люксембург.

. . . .

Хэнки.—Я советовался с английским членом редакционного комитета, который после рассмотрения вопроса всем комитетом сказал мне, что сомнительно, чтобы мирный договор с Австрией даже в случае изъятия военных и репарационных статей мог бы быть готов к субботе. Одна из причин задержки заключается в том, что печатание итальянского текста проходит очень медленно.

Ллойд Джордж.—Нельзя ли было бы передать его в отпечатанном на машинке виде?

(Решено вновь поговорить об этом в редакционном комитете.)

Орландо.—Замечу, что в Каринтии продолжаются бои между австрийцами и южными славянами. Австрийская делегация в Сен-Жермене просила нас о вмешательстве.

(Решено, что важнее всего было бы немедленное установление границ Австрии. Министрам иностранных дел поручается обсудить вопрос завтра днем.)

Польско-украинское перемирие.

. . . .

Клемансо.—Я хочу обратиться с новым вопросом к итальянскому коллеге. Я видел его вчера и разъяснил ему серьезность положения как для Франции, так и для Италии. Г-н Орландо с присущей ему широтой взгляда заявил, что необходимо выдвинуть какое-нибудь предложение. Я надеюсь, что это будет сделано, чтобы дать нам возможность выйти из затруднительного положения. Даже посредственное решение вопроса явилось бы большим облегчением не только для правительств, но и для народов. Если у г. Орландо имеется какое-либо предложение, я обращаюсь к нему с просьбой сообщить его нам по возможности сегодня же.

Орландо.—Как я указывал сегодня утром, достижение соглашения явилось бы подлинным облегчонием. Я прекрасно и даже глубже г. Клемансо чувствую то, о чем он говорил. Я благодарю его за то, что он поднял этот вопрос. Он спрашивает: каковы предложения Италии? Когда здесь между 19 и 24-м истекшего апреля обсуждался этот вопрос, обнаружилось противоречие между

желательным максимумом, так сказать максимумом требований Италии, и взглядами всех остальных союзных и присоединившихся держав. 20 апреля я говорил, что, если Италия вынуждена будет отказаться от своих добавочных требований, я должен буду придерживаться условий Лондонского договора. Это вызвало расхождения между союзниками и президентом Вильсоном, потому что союзники заявили, что хотя они, быть может, и не согласны с Лондонским договором, однако готовы применить его. Но президент Вильсон заявил, что он не согласен с договором, которым он не связан. Таким образом, могло бы возникнуть расхождение между Соединенными Штатами, с одной стороны, и Францией и Великобританией—с другой, что ни для кого не желательно. С итальянской точки зрения мне хотелось бы только достигнуть какого-либо компромисса, позволяющего заключить почетное соглашение, в противном случае остается прибегнуть к Лондонскому договору. Я испробую все пути к соглашению. Например, между 20 и 23 апреля г. Ллойд Джорджем были сделаны предложения, прерванные манифестом, опубликованным президентом Вильсоном. Затем последовали переговоры между полковником Хаузом, г. Миллером и мной, не давшие результатов. Резюмирую: я хотел бы выйти из этого затруднительного положения путем всеобщего соглашения, но если это невозможно, требую соблюдения Лондонского договора.

Вильсон.—Нам, я думаю, угрожает опасность «зайти в тупик»—«cul-de-sac»—«a blind alley»*. Я желаю со всей серьезностью изложить моему итальянскому коллеге, как именно ситуация представляется мне в целом. Мы не можем двигаться в двух противоположных направлениях. Лондонский договор был заключен при наличии уже давно прошедших обстоятельств. В настоящее время существует общество, охватывающее весь мир. В настоящее время имеется общественное мнение, базирующееся на мире. Во время заключения Лондонского договора существовало только общество, ограниченное тремя или четырьмя великими державами: Францией, Россией и Великобританией, против Германии, Австрии и Турции. Добровольными членами являлись Франция, Россия и Великобритания (так как Сербия и Бельгия были вынуждены вступить в войну вследствие вторжения на их территорию). Три добровольно вступившие в войну державы хотели привлечь Италию к участию в войне и по этой причине заключили Лондонский договор. В то время никто еще не отдавал себе отчета в том, что в войне заинтересован весь мир. Я это знаю, так как мой народ принял в ней участие. Это повело не только к усилению военной мощи, но и к политическому развитию всего мира. Возникла идея политической независимости всех стран мира. Когда это было осуществлено, Америка прониклась мыслью, что мы все должны вступить в войну.

* Вильсон произнес эти выражения по-французски и по-английски.

В нее вступили другие державы, которые не были заинтересованы в территориальных вопросах европейского характера. Они вступили в войну, руководствуясь той точкой зрения, что им надо устранить угрожавшее им политическое господство. Так в умах народов родились новые идеи. Речь шла не только о защите малых государств, но и о защите меньшинств. Сознание озарило мысль, что вскоре будет заключено общее и окончательное соглашение. В этот момент я выступил в конгрессе с речью о результатах войны. Кажется, речь эта была произнесена мною три дня спустя после речи г. Ллойд Джорджа в британском парламенте. Единственная разница заключалась в том, что я резюмировал свою речь в Четырнадцати пунктах. Обе речи, моя и британского премьер-министра, выражали одну и ту же принципиальную, идейную линию. В наши речи было вложено то, что начинало проникать в сознание всего мира. Когда возник вопрос о перемирии, мои заявления были приняты не только в качестве базы для завершения победы, но и для поддержания мира. Идеи эти сделались общим достоянием всего мира. Даже Восток начал разделять эти идеи. Так появилась Лига наций, рассматривавшаяся дотоле как вещь, имеющая чисто академический интерес. Народы всего земного шара пожелали заключить мир на этих основаниях. Когда их представители прибыли в Париж, уже имелась целая платформа мира. Платформа эта не имеет отношения к идеям, принадлежавшим старой европейской политике, приведшей к заключению Лондонского договора, т. е. к тому, что более сильные державы могли диктовать свою волю более слабым и по своему усмотрению раздавать территории. Идеи эти были отброшены. Новая концепция не допускала их. Если бы старые принципы были допущены, они уничтожили бы новые принципы.

Если бы малые нации явились свидетелями угнетения других наций, это вызвало бы среди них возмущение. Если бы часть Югославии была отдана Италии, нации эти сказали бы: «Придет и наш черед». Одним из главных мотивов вступления американского народа в войну послужило то обстоятельство, что ему было сказано, что старые концепции перестали существовать, поэтому, если Италия будет настаивать на применении Лондонского договора, она тем самым будет настаивать на применении принципа, не соответствующего новому порядку. От Соединенных Штатов как члена Лиги наций потребовалась бы гарантия Лондонского договора. Если Италия будет настаивать на Лондонском договоре, вопрос нельзя разрешить, как это отметил г. Клемансо.

Мы не сможем потребовать от Югославии уменьшения численности ее армии ниже уровня, необходимого для защиты ее безопасности от Италии. Югославия никогда этого не сделает. Невозможно применить силу против народа, территория которого явилась жертвою военного насилия, народа, вызвавшего взрыв мирового конфликта. Невозможно повторить войну для удовле-

творения желаний Италии. Если я должен попрежнему быть руководителем и идейным представителем моего народа, я никоим образом не могу согласиться на то, чтобы какой-либо народ был отдан под власть, которой он не желает, и, наоборот, я могу согласиться, чтобы любой народ подчинился власти, которую он признает. Я согласен, чтобы Италия получила любую часть Истрийского полуострова, даже к востоку от Альпийского хребта, если плебисцит покажет, что часть эта желает присоединиться к Италии, но я не соглашусь на аннексию какой-либо народности, если она не вынесет соответствующего вотума. Я хочу обратить внимание г. Орландо на то, что Великобритания и Франция могут передать Италии какую-либо часть Истрии только в порядке осуществления принципов мира. Этот мирный трактат не будет иметь силы до тех пор, пока мы его не подпишем, т. е. пока все стороны не будут согласны. Мы не можем оказаться в таком положении, при котором три державы делали бы то, чего не делает четвертая из держав. Итальянская печать и итальянские представители постоянно заявляют, что не хотят оставлять своих братьев, живущих на другом берегу Адриатики. Нельзя ли разрешить этот вопрос путем плебисцита? Для Италии не представило бы риска, если бы плебисцит был осуществлен под контролем Лиги наций. Италия является частью Лиги наций, и возможность несправедливости с ее стороны по отношению к Италии исключена. Если мы поступим иначе, мы создадим врага Италии в другой части Адриатики, и, таким образом, там могут возобновиться беды, в прошлом возникавшие на Балканах. В пределах итальянских границ оказались бы южные славяне, взоры которых были бы обращены на народности, поставленные западными державами в подчинение Италии. Италия не может применять два принципа. Она должна итти или в одном или в другом направлении. Она должна полностью отказаться или от новых методов или же от старых и вступить в мир с новыми методами при условии, что они дадут больше оснований рассчитывать на мир, чем когда-либо раньше.

(Во время выступления Вильсона, произносящего свою речь вдохновенным и проповедническим тоном, Ллойд Джордж закрывает рукой лицо, как бы желая сосредоточиться; Клемансо углубляется в кресло с усталым и рассеянным видом.)

Орландо:—Мне нетрудно признать совершенную логичность речи г. Вильсона при том условии, что отправная гипотеза верна. Но я отрицаю верность самой гипотезы. Г-н Вильсон исходит из того предположения, что Лондонский договор является нарушением принципа справедливости. Отправляясь от этой предпосылки, изложенной им с такой искренностью и красноречием, он сделал верные выводы. Но я не согласен с самой предпосылкой. Я не согласен с тем, что Лондонский договор является сознательным нарушением принципов справедливости, которых Франция

и Англия не отстояли. Лондонский договор лишь заранее установил границы, которые должны были быть намечены. В течение всей этой конференции пришлось обсуждать труднейшие задачи, касающиеся этнических, географических, стратегических и других проблем. Во многих случаях приходилось преодолевать серьезные затруднения в целях достижения соглашения. Лондонский договор попросту предупредил эти затруднения. Лондонский договор сам по себе является мирным соглашением и компромиссом. Наличие компромисса доказывается отказом от Фиуме и от наиболее богатой половины Далмации, включая итальянские города Спалато и Трау, которые Италия всегда считала своим долгом требовать. Этот компромисс вызван наличием смешанного состава населения. Поэтому я не могу принять предпосылку президента Вильсона о том, что Лондонский договор является попросту нарушением права и справедливости. Хорош ли он или плох,—не знаю. Опыт показал, что он плох, потому что не отдает нам Фиуме. Это—компромисс. Президент позволит мне повторить, что если предпосылка неприемлема, неприемлемы также соответствующие выводы. Президент не согласен. Это вызывает отсрочку решения по итальянскому вопросу. Поэтому-то я не могу согласиться с плебисцитом. Плебисцит задерживает решение. Ввиду нынешнего состояния беспокойства в Италии я предпочитаю получить меньше, но выйти из этого состояния.

Второе возражение заключается в том, что рассматриваемые проблемы крайне сложны. Я не могу отрицать, что по эту сторону Истрийских Альп большинство населения состоит из славян, но в этом случае я должен приискать не этнографический, а какой-либо другой принцип, а именно, что альпийская линия является естественной стратегической линией для защиты Италии.

Третье соображение—я бы не хотел выказать этим недостаток уважения к другим народам—заключается в том, что между сербами и итальянцами существует разница в уровне культурного развития. Это оказало бы задерживающее влияние. Правда, итальянские военные власти во многих местах живут в полном согласии с населением. Но не подвергнутся ли они угрозам со стороны славян? В этих условиях я не мог бы положиться на искренность плебисцитов.

Таковы три мотива, в силу которых я не могу принять предложения о плебисците. Пока приходится сделать вывод, что мы зашли в тупик. Я готов добиваться решения вопроса, но не нахожу его. Где же выход в этих условиях? Мне остается только апеллировать к договору. Я не Шейлок, требующий своего фунта мяса от Югославии. Великобритания и Франция приняли это соглашение. Я, со своей стороны, недоволен им, и мне глубоко жаль, что я встретил затруднения со стороны Соединенных Штатов. Но так как невозможно найти никакого другого выхода, как должен я поступить? У меня нет другого выхода.

Вильсон.—Я никогда не характеризовал Лондонский договор в указанном г. Орландо смысле*. Я считал его только несовместимым с новым порядком соглашений, а именно, что должен быть применен этнический принцип за исключением тех случаев, когда могут быть выдвинуты высшие соображения, как, например, об Альпах. Поскольку в данном случае соображений этих не имеется, следует соблюсти принцип самоопределения. Напомню г. Орландо случай с Польским коридором и непредоставлением Данцига Польше по той причине, что там имеется значительное немецкое население, хотя главный доступ Польши к морю проходит через эту территорию. Кроме того, я не мыслю плебисцита без необходимых мер предосторожности. Если плебисцит состоится, его надо проводить при тщательном контроле; нельзя допустить плебисцит, если не исключено принуждение. В самом дружелюбном тоне я спрашиваю: если бы я сам высказал публично эти соображения и выступил с этими моими предложениями, т. е. заявил бы, что на территории, расположенной между водоразделом Истрийского полуострова и линией, предусмотренной Лондонским договором, был бы проведен плебисцит, сможет ли г. Орландо публично выставить свои возражения?

Орландо.—Я должен прежде всего рассеять одно недоразумение. Когда я говорил о принуждении со стороны славян, я под этим ничего не подразумевал такого, что могло бы случиться до или во время плебисцита. Я говорил скорее о страхе и опасениях относительно будущего, которые помешали бы людям свободно голосовать. Вследствие этого нельзя было бы получить свободного вотума. Что касается Польши, то независимо от результатов плебисцита около 1 700 тысяч немцев будут переданы Польше. Если бы все итальянские требования были удовлетворены и если бы австрийские, заведомо неточные, цифры были сочтены правильными, Италии не было бы передано даже половины этого числа иностранцев. Только что приведенный пример Польши свидетельствует не против нас, а скорее в нашу пользу. Что касается последнего вопроса президента Вильсона, я, разумеется, хотел бы избежать всякого публичного обсуждения вопроса, в особенности пока решение еще не достигнуто. Но если бы президент Вильсон выступил с подобным публичным заявлением, я ответил бы так же, как сегодня, приведя те же самые доводы.

Вильсон.—Надеюсь, что до того, как начнется окончательное обсуждение, г. Орландо соблаговолит посоветоваться со своими коллегами. Надеюсь, что он пожелает напомнить им о том, что выполнение условий Лондонского договора было бы невозможно. Вся созданная нами организация оказалась бы для этого неподходящей. Я надеюсь, что он пожелает вновь обсудить вопрос со

* Ср. стр. 311.

своими коллегами и приложит все усилия к отысканию каких-либо новых путей.

Орландо.—Могу ответить сейчас же, что, когда дело касается изыскания способов соглашения, я никогда не отказываюсь от этого.

Клемансо.—Что меня поразило во всей этой дискуссии, это тот факт, что г. Орландо не выдвинул ни одного конкретного предложения. Вопрос заключается в Фиуме и Далмации. Он выдвинул требование о Фиуме. Он требовал применения принципа самоопределения к Фиуме, но когда дело дошло до обсуждения вопроса о Далмации, он отказался от этого принципа. В его методе имеется еще одно противоречие. Он требовал от нас применения Лондонского договора, когда дело касалось Далмации, но когда речь заходит о Фиуме, он требует от нас нарушения Лондонского договора. Существует другая сторона дела, как об этом говорил президент Вильсон, а именно, что Лондонский договор не дает в действительности разрешения вопроса. Предположим, что Франция и Великобритания признают основательность доводов Италии в пользу Лондонского договора. Это не повело бы к миру и не явилось бы разрешением вопроса. Таким образом, единственное предложение, которое было выдвинуто, не разрешает вопроса. Поэтому я полагаю, что необходимо изменить метод. Можно было бы создать небольшой комитет в составе трех или четырех лиц для изучения предложений. Если Совет не придет ни к какому заключению, он сделается всеобщим посмешищем и, быть может, явится опасностью для всего мира. Оказалось бы, что, прежде чем заключить мир, он стремится продолжать войну. Единственное сделанное предложение представляет собой предложение об установлении анархии во всем мире. Я надеюсь, что если это случится, никто не сможет сказать, что это происходит по моей вине. Поэтому я заключаю подобно президенту Вильсону требованием, чтобы обсуждение вопроса было перенесено на другое заседание. Я стою за соблюдение Лондонского договора. Но необходимо заметить, что в то время речь шла о клочках территорий. Впоследствии родилась новая концепция, как отметил президент Вильсон. Это—весьма серьезный аргумент. Необходимо выбраться из тупика, в котором мы находимся. Я приглашаю итальянское правительство и итальянскую нацию принять участие в этой работе. Если мы—культурные люди, мы должны найти решение. Мы не имеем права толкать человечество в войну.

Орландо.—Как я говорил, я готов продолжать обсуждение вопроса.

Клемансо.—Повторяю, что г. Орландо не сделал еще ни одного конкретного предложения. Даже сегодня все, что он мог рекомендовать, сводится к Лондонскому договору, но Лондонский договор означает анархию и продолжение войны. Прошу г. Орландо выдвинуть свои предложения.

(Четырьмя главами правительств утверждаются представленные сегодня в начале вечернего заседания комитетом по делам новых государств статьи мирного договора с Австрией и Венгрией, касающиеся положения национальных меньшинств.

Четырьмя главами государств подписываются экономические статьи мирного договора с Австрией и Венгрией, утвержденные 24-го числа текущего месяца.

Хэнки перешлет оба документа в редакционный комитет.)

За все время Ллойд Джордж не произнес ни одного слова. Он сделал жест удивления, как бы показывая этим, что не помнит сделанных им в апреле предложений, о которых напомнил сегодня Орландо.

Вторник, 27 мая.

11 час. 15 мин.—Заседание Четырех у президента Вильсона.

Присутствуют также члены редакционного комитета: Браун Скотт—от Америки, Херст—от Англии, Фромажо—от Франции, Риччи Бузатти—от Италии, Нагаока—от Японии.

На заседании было постановлено:

1) черновой текст мирного договора с изъятием военных условий и статей, касающихся репараций и долгов (ибо эти последние приобрели особое значение вследствие раздела Австрийской империи на различные части, что требует рассмотрения этих частей с точки зрения падающих на них обязательств), должен быть передан австрийским делегатам в пятницу, 30 мая, в полдень, и редакционный комитет должен принять соответствующие меры;

2) в том случае, если не окажется времени для отпечатания договора в окончательной форме, он будет передан австрийцам в черновом виде;

3) если не окажется времени для отпечатания на одной странице статей договора на трех языках, редакционный комитет уполномочен отпечатать статьи на трех языках на отдельных страницах;

4) редакционный комитет должен заняться в самом скором времени рассмотрением порученного ему днем раньше вопроса о том, должна ли Австрия рассматриваться в качестве нового государства или государства-преемника Австро-Венгерской империи, и применить наиболее подходящий метод при редактировании договора;

5) окончательный проект политических статей, касающихся полученной Италией от Австрии территории и подлежащих включению в текст договора с Австрией, должен быть немедленно роздан итальянской делегацией и рассмотрен сегодня на дневном заседании;

6) сэр Морис Хэнки в согласии с генеральным секретариатом немедленно сообщит сегодня днем Чехо-Словакии и другим новым государствам касающиеся их политические статьи договора;

7) вопрос о гарантиях в договоре с Австрией откладывается до того, как г. Орландо выслушает мнение своих военных экспертов;

8) сэр Морис Хэнки удостоверится, признаны ли мандатным комитетом полномочия австрийских делегатов, которыми их наделило австрийское правительство.

Хэнки представляет письмо, которое было ему поручено составить в ответ на письмо австрийской делегации. Проект письма одобрен и сегодня же будет передан на подпись Клемансо.

11 час. 45 мин.—Члены редакционного комитета покидают зал заседания. Входят финансовые эксперты: от Америки—Девис, Ламонт, Смит; от Франции—Лушер, Сержан, Лион, Шейссон; от Англии—Сэмнер, Кенлиф, Кейнс, Фальк, Пиль, Зипман, Сэттон; от Италии—Креспи, Юнг.

Ламонт.—В согласии с инструкциями Верховного совета делегаты входивших в состав бывшей Австро-Венгерской империи государств были приглашены вчера для обсуждения вопроса о репарациях. Они не хотели, чтобы в вопросе о репарациях их рассматривали как врагов и относили к той же категории, что и Австрию. На это заявление не было дано окончательного ответа. После заседания д-р Бенеш в частной беседе утверждал, что Чехо-Словакия благожелательно отнеслась бы к требованию взять на себя известную долю военных долгов при условии, что требование это не будет выдвинуто в порядке выполнения репарационных обязательств. От д-ра Бенеша требуют представления удовлетворяющей его формулы; формула эта, вероятно, удовлетворила бы также остальные четыре государства. Однако необходимо будет заключить отдельное соглашение с каждым из них.

Ллойд Джордж.—Я также видел д-ра Бенеша и узнал от него, что он не будет против участия в расходах по войне, явившейся освободительной войной для Чехо-Словакии. В самом деле, здесь не должно быть противодействия, так как Чехия представляет собой очень богатую страну, могущую пойти на некоторые жертвы для дела своего освобождения. Необходимо и справедливо, чтобы государства эти приняли в какой-либо форме участие в платежах, имея в виду, что в союзных странах военные тяготы во многих случаях лягут на крестьян, которые беднее населения освобожденных стран. Но имеются достаточные основания для признания стремления новых государств добиться определенной интерпретации их участия в платежах.

Креспи.—Я принимаю принцип, особенно ввиду того факта, что Трентино и Триест не должны рассматриваться в качестве неприятельских стран, так как они во многих отношениях находятся в положении, аналогичном положению Эльзаса и Лотарингии.

Орландо.—Естественно, что эти страны не хотят, чтобы их считали ответственными за войну, жертвами которой они оказались.